

ВОПРОСЫ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ НА IV МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ

1

IV Международный съезд славистов, проходивший в Москве с 1 по 10 сентября 1958 г., был, по всеобщему признанию, крупнейшим событием в области славяноведения за последние полвека. Все предыдущие славистические съезды и международные конференции по количеству участников и докладчиков, по разработанности тематики и по объему научных изданий во многом уступали этому съезду. IV Международный съезд славистов продемонстрировал значительные достижения в области славянской филологии, в том числе и славянского языкознания, за послевоенный период во всех европейских странах и в первую очередь — в славянских, ставших на путь социалистического развития. Новые общественные условия и новые принципы коллективной организации научного труда сделали возможным реализацию таких крупных исследований и изданий, как лингвистические атласы отдельных славянских языков, многотомные современные и исторические словари, словарь старославянского языка, богатые материалами и обобщениями грамматические разыскания и др. В наше время, как показал съезд, стали гораздо более реальными планы и возможности выполнения той широкой научной программы по славянскому языкознанию, которая была выдвинута еще Российской Академией наук в начале текущего столетия на первом предварительном съезде славянских филологов¹ и потом значительно дополнена на I, II и III славяноведческих съездах. Программа В. Ягича, в соответствии с господствовавшей в начале XX в. общей филологической методологией, предусматривала описание в традиционном младограмматическом плане² истории, диалектологии и современного грамматического строя славянских языков и очерк праславянской грамматики. Эта задача была в значительной степени выполнена в первой трети XX в. рядом капитальных, богатых фактическим материалом трудов, вышедших из-под пера виднейших ученых славистов в серии «Энциклопедия славянской филологии» (ЭСФ), а также в других изданиях (см. работы А. Мейе, Г. А. Ильинского по праславянскому языку, исторические грамматики славянских языков А. А. Шахматова, Ф. Травничка, Л. Милетича, Я. Лося и др.³). Остались нерешенными, отчасти и по сей день, такие вопросы, как организация славянской библиографии, создание словаря церковнославянского языка и др.

I съезд славянских филологов в Праге в 1929 г. выдвинул ряд новых задач перед славянским языковедением. Наиболее важным для дальней-

¹ См. «Предварительный съезд русских филологов [10—15 августа 1903 г.]. Бюллетени», СПб., 1903.

² Отметим интересные предложения И. А. Бодуэна де Куртене, пытавшегося направить издание «Энциклопедии славянской филологии» в несколько ином плане. Например, наряду с описанием физиологии славянских звуков, он указывал на необходимость «психологического обоснования явлений, встречающихся в языке» (см. «Предварительный съезд русских филологов», стр. 68).

³ Любопытно отметить, что круг намеченных в проекте издания ЭСФ авторов в общем выполнил первоначальную программу, хотя большей частью их труды были опубликованы в других изданиях.

шего развития было рассмотрение проблем, связанных с географией слов, древнейшими славянскими изоглоссами (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Т. Лер-Сплавинский, Я. Чекановский), со славянским лингвистическим атласом (А. Мейе, Л. Теньер), относительной хронологией различных явлений праславянского языка¹. Постановка вопроса о системном характере языка, о функциональности его элементов, разработка основных положений фонологии, произведенная Пражским лингвистическим кружком² на материале славянских языков, оказали воздействие на судьбу не только славянского, но и общего языкознания.

II съезд и особенно подготавливавшийся в 1939 г. III съезд³ отразили расширение проблематики исследования славянских языков. Помимо ряда «классических» вопросов, связанных со славянской прародиной, ее территориальным определением и характеристикой ее хронологических границ, были затронуты вопросы ареальной лингвистики, в первую очередь — балканистики. На фонологической секции были выдвинуты две основные проблемы: проблема фонологической системы языковых союзов и проблема консервативных и инновационных тенденций в развитии фонологических систем славянских языков. Особое внимание было уделено славянскому глагольному виду, принципам классификации предложений (главным образом в соответствии со специфическими особенностями глагольного вида), возможности применения формулы «*syntagma — compositum — simplex*» к славянскому словосложению, наконец, общему вопросу об отношении функции, значения и формы слова в славянской грамматической системе. Ставился также вопрос о следах «доклассического» субстрата в южнославянской топонимике, об общих особенностях балканских языков как основе балканистики и связанная с этим проблема о роли пограничных языковых областей как источников инноваций. Вместе с тем и в период подготовки III съезда эти вопросы были только поставлены, многие из них стали детально изучаться лишь в послевоенное время (в 40—50-х гг.). Именно после второй мировой войны наметился более широкий и более четко определенный круг проблем по славянскому языкознанию, который в значительной мере нашел свое отражение на IV съезде.

2

IV: Международный съезд славистов не только продолжил и обогатил традиции предшествующих славистических съездов (см. программу IV съезда славистов, его тематику и перечень спорных вопросов славянской филологии, поставленных на широкое международное обсуждение еще до этого съезда), но и значительно расширил научную проблематику славяноведения — в связи с новыми задачами и перспективами славяноведческой науки на современном этапе ее развития. Следует прежде всего отметить, что проблемы истории славянских литературных языков впервые оказались предметом живого обсуждения на славистическом съезде. Общие условия возникновения славянских литературных языков в период раннего средневековья, соотношение книжного и народного начал в истории их развития, роль старославянского языка как общего литературного языка южных, восточных и отчасти западных славян, условия латинско-славянского двуязычия — вызвали живой и широкий интерес на московском съезде. Выяснилось, что все эти проблемы по своему характеру отличаются большей сложностью и прежнее упрощенное понимание хотя

¹ См. «Sborník prací I. Sjezdu slovanských filologů v Praze 1929», sv. II. Přednášky, Praha, 1932.

² См. «Mélanges linguistiques dédiés au Premier congrès des philologues slaves», TCLP, 1, 1929.

³ См.: «II Międzynarodowy zjazd slawistów (filologów słowiańskich). Księga referatów», Sekcja 1 — Językoznawstwo, Warszawa, 1934; «III Međunarodni kongres slavista (словенских филолога)», № 1 — 5, Београд, 1939.

бы вопроса о соотношении древнерусской и старославянской языковых стихий не может удовлетворить. Акад. В. В. Виноградов в своем докладе «Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка»¹ пришел к выводу, что с периода зарождения древнерусской письменности, т. е. с X—XI вв., и вплоть до конца XVI — середины XVII вв. существовали два основных типа русского литературного языка: книжнославянский, источником которого был старославянский язык, и пароднолитературный (или «народнокультурный»), источником которого служила живая народная речь и язык фольклора. Эти две стихии, определявшие развитие двух типов древнерусского литературного языка, находились в сложном взаимодействии и обслуживали различные жанры литературы. В конечном итоге эти два типа, видоизменившись, послужили основой для возникновения трех стилей русского языка в XVII в. Каждому из двух указанных типов присущи свои схемы и закономерности периодизации, сходные между собой в самых общих чертах: 1) X—XIV вв. (X—XII; XII—XIV); 2) XIV—XVI вв.; 3) конец XVI — конец XVII — начало XVIII вв.²

Новая постановка вопроса о периодизации древнерусского литературного языка и выявление в нем различных типов (что не следует смешивать с двуязычием) имеет большое значение для разрешения проблемы о характере и периодизации целого ряда славянских литературных языков и в первую очередь литературных языков, входящих в ареал греко-славянского культурного мира (древнесербского, древнеболгарского и древнерумынскославянского), а также отчасти (имея в виду древнейший период) древнечешского, древнехорватского и древнесловенского. Естественно, что различия в отношении развития отдельных конкретных языков окажутся довольно существенными. Здесь скажется также влияние и различного объема материала, которым может оперировать исследователь (ср. минимальное число памятников древнейшего периода для словенского, отчасти чешского языков). Однако крайне важным при решении этого вопроса будет общее положение, требующее разграничения истории языка литературного и народноразговорного, изучение которого составляет также предмет исторической диалектологии³, положение о том, что периодизация грамматического строя народноразговорного языка и его диалектов не всегда соответствует периодизации литературного языка, что, наконец, схема периодизации истории народа не может в виде трафарета переноситься и на периодизацию литературного языка. Нужно полагать, что даже у таких языков, как сербский и болгарский, у которых грамматический строй и словарный фонд ближе к старославянскому, чем русский, можно проследить наличие двух типов древнелитературных языков, довольно ярко проявляющихся в различных жанрах литературы. Эти наблюдения могут быть особенно показательны на материале болгарских и македонских письменных памятников, так как в этих языках сравнительно рано произошли значительные изменения в грамматическом строе.

С другой стороны, перед славистикой стоит важная задача определения истории книжных типов древних славянских литературных языков, которые, как следует полагать, окажутся в свою очередь типами единого книжнославянского или «церковнославянского» языка, обслуживающего в основном одни и те же жанры литературы. Крайне нужным было бы параллельное исследование различных изводов разных по жанрам

¹ «IV Международного съезда славистов. Доклады», М., 1958.

² Периодизация дана в упрощенной схеме. Подробную периодизацию см. на стр. 135—137 указного доклада В. В. Виноградова.

³ См., например, смешение этих двух моментов в интересном по материалу и замыслу докладе Р. Коларича «Этапы развития словенского языка» (R. Kolarič, *Periodizacija razvoja slovenskega jezika*, «Slavistična revija», letn. XI, 1—2, 1958, стр. 69—77.

памятников, общих для южно- и восточнославянских литератур. Создание единого церковнославянского словаря XII—XIV вв., а возможно, и XII—XVII вв. дало бы обильный материал для решения этой проблемы.

Не следовало бы оставлять без внимания и отдельные попытки создания искусственных общеславянских «взаимных» языков, подобные опытам Юрия Крижанича, позже Матии Маяра и Орослава Цафа¹. К сожалению, им на съезде не было уделено внимания, а между тем они, видимо, указывали, хотя часто с опозданием, на известные кризисные моменты в истории единого книжнославянского или церковнославянского языка, а также и отдельных славянских языков. Большое значение для истории церковнославянского языка, выполняющего функцию межславянского литературного языка, так же как и для истории отдельных славянских литературных языков, имеют статистические исследования наподобие тех, которые положены в основу проекта словаря польского языка XVI в. В связи с этим большое значение имеют решения комиссий съезда о создании капитальных каталогов и описаний древнеславянских рукописей и инкунабул, которые бы явились важным этапом подготовительной работы в этой области.

Не менее значительный интерес представляют и поднятые на съезде вопросы, связанные с формированием и развитием современных славянских литературных языков. Здесь также в отношении восточнославянских (прежде всего русского) и южнославянских (сербского и болгарского) языков можно установить ряд аналогий и вместе с тем столкнуться с неравномерной изученностью материала. Явления, характерные для русского литературного языка во второй половине XVII и в XVIII в., были свойственны болгарскому литературному языку в первой половине XIX в., а сербскому — в XVIII—начале XIX в. Историко-культурный анализ этого периода сделан рядом исследователей довольно тщательно, однако лингвистическое исследование смены или сосуществования различных стилей, определения сферы их употребления и их функциональных особенностей все еще как следует не выполнено. За исключением монографии Б. Унбегауна о славяно-сербском языке XVIII в. и отдельных характеристик языка писателей в «Истории новой болгарской литературы» Б. Пенсва, славистика почти не располагает другими материалами. А между тем, особенно в применении к болгарскому литературному языку (хотя это же в значительной мере можно сказать и о сербском), в отношении указанного периода его истории можно говорить о крайне ускоренном развитии литературного языка после довольно длительного застоя — развитии, прошедшем за полвека стадии, длящиеся в истории других славянских литературных языков (например, в русском) в течение нескольких веков². Этот факт любопытен с точки зрения сравнения типологического и формально-генетического.

Съезд поставил перед славистами задачу выяснения основных закономерностей формирования и развития современных славянских литературных языков. Этой теме был посвящен ряд докладов, причем вновь поднимался важный вопрос о диалектной базе отдельных славянских литературных языков, о соотношении и взаимодействии славянских литературных языков, о роли церковнославянского языка при их формировании. Сложность изучения современных славянских литературных языков усугубляется еще тем, что до сих пор в славистике не уточнены понятия «литературный язык», «стиль языка», «язык письменности», «разговорный ли-

¹ См. предложение И. А. Бодуэна де Куртенэ на I съезде славянских филологов и историков (см. «I съезд славянских филологов. I — Материалы по организации съезда. 1 август 1903—май 1904», СПб., 1904, стр. 14).

² См. эту же мысль в применении к истории болгарской литературы начала XIX в. в интересной статье Г. Гачева в «Отсинкретизма к художественности» («Вопросы литературы», 1958, № 4, стр. 121—128).

тературный язык» и др. Подсекция славянских литературных языков признала необходимым обсудить также вопрос о принципах нормализации современных литературных славянских языков и о церковнославянских и народных элементах в литературных славянских языках. | |

3

В области славянской сравнительной и исторической лексикологии на съезде рассматривался широкий круг вопросов, связанных с построением этимологических словарей, исторических словарей славянских языков, с исследованием исторической славянской, преимущественно русской лексикологии (юридическая и социальная терминология) и с практическими задачами составления двуязычных словарей.

В отношении этимологических исследований подчеркивалась необходимость углубления морфологическо-семантического анализа и расширения диалектного и исторического изучения лексики как материальной базы научно-исследовательской работы в области этимологии славянских языков. Весьма важной в методологическом отношении является также задача изучения отдельных корней и слов не изолированно, а в окружении и системе словообразовательных и семантических связей слова по разным языкам. Проф. А. Вайан повторил на съезде призыв, ставший уже довольно популярным, — отказаться от практики возведения слова к первоначальному «корню» вне исторической перспективы и характеристики истории данного слова в дописьменный и более поздний период. Этимологические исследования должны идти от словообразовательной модели к корню, а не наоборот. Предложение Я. С. Отрембского, выдвинутое во время дискуссии, о пристальном изучении способов и условий образования новых слов и установлении основных закономерностей такого образования важно не только для понимания процессов современного славянского словообразования, но и для методики этимологических исследований. Значительные успехи в области составления славянских этимологических словарей за последнее десятилетие (появление словарей М. Фасмера, В. Махка, Ф. Славского, И. Книежи, создание этимологического словаря сербскохорватского языка покойным акад. П. Скоком, подготовка русского этимологического словаря в Москве и болгарского в Софии) могут быть приумножены лишь при условии активизации работы в области создания исторических и диалектных словарей, а также лингвистической географии. К серьезным достижениям польской исторической лексикографии (словарь древнепольского языка, словарь польского языка XVI в.), к важным начинаниям чешских и советских славистов (словари древнечешского и древнерусского языков) должны присоединиться болгарские, словенские, сербские ученые (исторических словарей болгарского и словенского языков вообще не существует, исторический словарь сербского языка Дж. Даничича и полуисторический словарь Югославянской Академии во многом устарели).

Без достаточного числа областных славянских словарей, которые охватывали бы почти весь ареал славянских языков, едва ли возможно создание достаточно достоверного словаря праславянского языка, проект которого подготовлен сейчас польским коллективом в Кракове. Еще не полно изучены лексические соответствия отдельных славянских (также и неславянских) языков и диалектов. Можно указать хотя бы на оставшиеся до сих пор без должного внимания чакавско-русские или болгарско-литовские соответствия. Углубленные разыскания в этом направлении могут несколько изменить наши представления о диалектном членении праславянского языка и о путях миграции его носителей. Естественно, что и вопросник будущего общеславянского атласа в большей своей части должен быть посвящен лексике.

4

На съезде был поставлен также вопрос о сравнительной славянской лексикологии, включая фразеологию и словообразование в плане типологического сопоставления различных словообразовательных моделей, с учетом изучения их продуктивности и взаимообусловленности. Словообразовательный анализ современных славянских языков нуждается также в применении статистических методов; в этом отношении несомненный интерес представляет работа немецких славистов, издавших два словаря атего современного русского языка (под руководством: один — проф. Г. Г. Бильфельдта, другой — проф. М. Фасмера). «Перевернутый» словарь будет применен и к польскому словарю XVII в., подготовленному варшавским коллективом. Пражский коллектив подготовил частотный словарь современного чешского языка. Этому хорошему почину должны последовать ученые других славянских стран.

Нельзя не отметить, что наибольшего успеха в послевоенный период славянская лексикография достигла в области составления словарей современных языков и отчасти двуязычных. Здесь следует указать на большой академический (до буквы *Н*) и четырехтомный толковый словарь русского языка, на академический (до буквы *С*) и толковый словарь болгарского языка, на первый том словаря польского языка и первые три тетради словаря литературного чешского языка (до буквы *Д*), на подготовку академического (в издании Сербской Академии наук) и толкового словарей сербскохорватского языка (в изд. «Матицы сербской» и «Матицы хорватской»). Однако в этой области у славянских лексикографов нет полного единства: различные принципы составления словарика, разграничения омонимов, выделения фразеологизмов и отбора иллюстративного материала. Сопоставительное рассмотрение новых славянских словарей может дать интересный материал для общей истории развития славянской лексикографии, а также для практики составления славянских двуязычных словарей.

5

В области фонетики и фонологии наибольшее внимание привлекала возможность применения теории фонем к описанию и исследованию фонетических систем отдельных славянских языков, взятых на различных этапах их развития. В связи с этим в качестве объекта фонологического исследования рассматривались не только современные славянские языки, но также и данные праславянского языка или древних перподов отдельных славянских языков. Интерес вызвала возможность типологической классификации славянских языков на основе того состояния, которое воспроизводят и отражают те или иные звенья соответствующих фонетических систем.

Вместе с тем выяснилось некоторое различие в подходе к конкретному материалу в вопросе о перподизации фонологических систем, т.е. в определении критериев для синхронных срезов, и существенные разногласия в отношении применения дихотомической теории фонем, заменяющей сложную систему фонологических корреляций системой бинарных противопоставлений. Дискуссия шла по вопросу о необходимости применения принципа инвариантности в диахроническом плане, а также по вопросу о типологической классификации фонологических систем современных славянских языков. С проблемой фонологической типологии славянских языков тесно связан вопрос о фонологической характеристике некоторых соседних со славянскими языков, например румынского и венгерского. Внимание к фактам славяно-инославянской языковой интерференции крайне важно также для исторической фонетики славянских и смежных с ними языков.

Следует указать, что методика фонологического анализа применяется при исследовании далеко не всех славянских языков и диалектов. Если в работах по чешской, польской и русской диалектологии она прочно вошла в практику исследователей, то в отношении сербскохорватской диалектологии можно говорить лишь о первых, хотя и серьезных опытах, а в болгарской диалектологии она почти не имеет своих последователей.

Вопросы экспериментальной фонетики, к сожалению, не нашли своего отражения в работе съезда. Между тем в этой области должна быть проведена серьезная работа по определению субстрата славянских фонем с применением новейшей лабораторной аппаратуры.

6

Проблемы локализации славянской прародины, диалектного членения праславянского языка и его соотношения с другими индоевропейскими языками были всегда традиционными для славистических съездов. Довольные достижения славистики в этой области были умножены рядом капитальных исследований по археологии, лингвистике и истории, вышедших в последние годы. Немалая заслуга в этом отношении принадлежит польским ученым. В конечном результате четче определился круг задач и проблем, требующих дальнейшего разрешения. Определение территории славянской прародины в области к северу от Карпат между средним Приднепровьем и Эльбой или Вислой находит свое подтверждение в целом ряде новых фактов. Новейшие экспедиции советских археологов подтвердили довольно широкое распространение славян на восток до Поднепровья еще до середины I тысячелетия нашей эры. Археологические наблюдения подкрепляются лингвистическими исследованиями о соотношении праславянского языка с другими родственными индоевропейскими языками и языками другой системы (например, финскими).

В этой связи по-прежнему в центре внимания стоит вопрос о балто-славянских языковых отношениях. Если проблема локализации древнейших балтийских племен, находившихся к северу и северо-западу от славянских, пуждается в общем лишь в уточнении в деталях, то проблема языковых отношений балтийских и славянских племен вызывала и вызывает различные толкования. Еще в ходе предсъездовской дискуссии ученые, часто оперируя одними и теми же фактами, стояли на различных точках зрения, утверждая или отрицая языковое единство двух названных этнических групп¹. Пути дальнейшего разрешения этой проблемы нужно было искать в изменении самой методологии исследования. Обсуждение на съезде показало, например, что плодотворным в этом отношении является выяснение отношений моделей древнейших состояний балтийских и славянских языков, выведение формальных показателей степени тождества этих систем и выяснение их взаимного отношения с целью определения их исходной системы (не праиндоевропейской). Отмечалось, что, вероятно, «модель, установленная для славянского языка, является результатом преобразования модели, установленной для древнейшего балтийского состояния»².

Однако дальнейшее исследование этой проблемы, так же как и проблемы праславянского языка, не может успешно развиваться без выяснения вопросов о том, каковы были диалектная основа «предславянского» языка и его отношение к другим индоевропейским диалектам, без углубленного анализа на основе широкого использования метода внутренней

¹ См. ВЯ, 1958, № 1, стр. 37—54.

² См. Вяч. В. Иванов, В. Н. Топоров, К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков, «IV Международный съезд славистов. Доклады», М., 1958, стр. 39.

реконструкции — при постоянном стремлении увеличить ее хронологическую глубину. Необходимо также внимание к лексическим данным (в первую очередь к словам, связанным с флорой, фауной, бытом и хозяйством) и к их соответствиям в отдельных славянских и неславянских языках.

Большое значение имеют для решения изложенных вопросов данные топонимики. В этой области польскими и некоторыми другими славянскими учеными достигнуты первые значительные результаты. Много ценного дают гидронимические исследования Я. Розвадовского, Т. Лера-Сплавинского, И. Безлая. Однако необходимо создание свода славянской гидронимики, который был бы частью проектируемого общеславянского топонимического словаря для территории от Рейна до Волги и от Балтийского до Эгейского моря и Адриатики. Широко развернувшийся сбор материала в ГДР и в Польше, отчасти в СССР, Болгарии и Чехословакии, подготовленный под руководством проф. М. Фасмера русский топонимический словарь смогут в скором времени послужить базой для этого капитального труда.

7

Вопросы, выдвинутые во время съезда на подсекции сравнительно-исторической и исторической грамматики славянских языков, были довольно разнообразны, а в некоторых случаях и разноплановы, что в значительной степени затрудняло организацию общих дискуссий в этой подсекции. Однако отдельные проблемы, как, например, проблема славянской аспектологии (учения о видах глагола), нашли свое достаточно полное освещение. В этой области имеются давние исследовательские традиции и накоплен большой материал. Итоги полувековым исследованиям славянского вида подвел А. Мазон, отметивший, что в настоящее время уже бесспорным является положение о том, что вид не может отождествляться с разновидностями глагольного действия (Aktionsarten). Однако в определении принципа видовой корреляции и роли отдельных времен в формировании категории вида, особенно применительно к древнейшему славянскому состоянию (т. е. к времени происхождения вида), до сих пор существует несколько точек зрения. Довольно широкое распространение в последнее время получила гипотеза Н. Ван-Вейка о происхождении вида из категории определенности-неопределенности (В. В. Бородич, И. Немец, Г. Кёльн); при этом само понятие определенности воспринимается различно. Данная гипотеза встречает возражение со стороны некоторых ученых, предлагающих схему: действие глагола, взятое в целом, — действие глагола, не взятое в целом (А. Достал и др.). Выдвигается также и более сложная система, примыкающая к гипотезе Н. Ван-Вейка, но ведущая к разделению на две отдельные корреляции: определенность-неопределенность и предельность-непредельность (Ю. С. Маслов).

Доклад И. Грицнат о двухвидовых глаголах в сербскохорватском языке показал, что, несмотря на солидность и весьма значительную полноту материала, которым оперируют аспектологи, еще остается немало ценных фактов, требующих внимательного коллекционирования и обобщения. Необходимо каталогизирование материала подобно тому, как это сделал для старославянского языка А. Достал, и более пристальное внимание к показаниям отдельных славянских диалектов.

Важной в теоретическом отношении является также проблема о способах определения значения глагольных времен. Теория синтаксического индикатива и релятива, выдвинутая акад. А. Беличем на материале сербскохорватского языка еще в конце 20-х годов, находит свою дальнейшую разработку при учете факторов реализованности и нереализованности

действия и значения времени. Эти проблемы следовало бы, видимо, решать также путем установления смысловых коррелятивных отношений внутри самой временной системы.

В области изучения падежно-предложной системы славянских языков безусловного внимания заслуживают наблюдения А. Белича относительно развития предлогов из наречий, получивших и значение зависимого падежа, и модификацию этого значения. По мысли А. Белича, первоначальные значения зависимых падежей выражали отношения, т. е. абстракции, значения же предлогов были реальнее («стварно»). Это положение должно учитываться при истории развития падежных окончаний в славянских языках. В историческом плане интересно поставить также проблему падежного синкретизма (т. е. вопрос об упразднимых различиях между падежными флексиями), выдвигаемую пока лишь в результате современного синхронного среза; она может пролить свет на процессы аналогии, играющие важную роль в развитии падежных систем.

В докладах и выступлениях на съезде были представлены разные концепции в определении падежных значений: морфологическая, утверждающая, что падежи, помимо контекстуальных частных употреблений и смыслов, обладают «общим» или морфологическим значением, не зависящим от контекста (доклад Р. Якобсона), и синтаксическая, отрицающая у падежей наличие какого-либо значения вне контекста словосочетания (например, доклад П. С. Кузнецова). Многое в этих концепциях оказывается спорным, как показала и оживленная дискуссия. Морфологическая точка зрения нуждается в строгом обосновании прежде всего на широком конкретном материале: до сих пор на практике нет четкого разграничения морфологического значения и синтаксических значений. Этот вопрос со времени его возникновения и обострения внимания к нему в 30-х годах текущего столетия оказался мало продвинутым вперед. Неясно еще также, всегда ли двучленные противопоставления можно толковать как противопоставление признакового и беспризнакового члена и насколько точно они отражают действительные языковые соотношения. Эти вопросы требуют своей дальнейшей разработки.

В области сравнительно-исторического изучения славянского синтаксиса остается до сих пор не разрешенным ряд кардинальных проблем. Не установлены твердые принципы и методы реконструкции синтаксических явлений. Весьма различна степень достоверности отдельных реконструкций. Если для глагольно-именных сочетаний, для синтаксиса падежей или для синтаксиса времен можно достигнуть большей степени вероятности, то в области синтаксиса предложения (паратаксиса и гипотаксиса), как и в области таких явлений, как порядок слов, пока еще реконструкция связана со значительным риском. До сих пор нет четкого представления о структурных особенностях синтаксической системы, как нет и единого понимания синтагмы, что в значительной степени затрудняет опыты реконструкции. Естественно, что на съезде были выдвинуты доклады, связанные с более конкретным материалом и более реальными задачами, как, например, группа докладов по проблеме синтаксических, преимущественно греческих, заимствований в старославянском и древнерусском языках, рассмотренная на широком материале, или доклад о системе предложных конструкций в современном сербскохорватском языке. Не случайным является и тот факт, что члены сравнительно-исторической подсекции единодушно подчеркнули необходимость активного и тщательного собирания диалектного синтаксического материала, которым до сих пор славянское языкознание располагает в очень незначительной степени. Этот материал дополнит, обогатит, а в отдельных случаях, видимо, и изменит ту довольно схематическую картину исторического развития славянского синтаксиса, которая воссоздается на основании письменных источников.

8

Значительные достижения в области лингвистической географии славянских языков за последние годы, появление первого тома «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», «Малого атласа польских говоров», «Атласа болгарских говоров на территории СССР», интенсивная работа по составлению русского, болгарского, белорусского, украинского, чешского и других славянских атласов вывели эту важную языковедческую дисциплину из подготовительной стадии и приблизили ее непосредственно к ряду проблем, вытекающих из повседневной практической работы и связанных с наличием большого конкретного материала. IV Международный съезд славистов подвел итоги этих важных трудов и содействовал их обобщению. Несмотря на некоторые методологические и технические различия, сказавшиеся на характере карт и изоглосс, атласы отдельных славянских языков не только в общем отразили основные диалектные различия и изоглоссы отдельных ограниченных территорий, но и дали известный материал для проектируемого общеславянского атласа. Вопрос о принципах, методах и конкретных возможностях его создания был основной темой докладов по лингвистической географии (доклады Р. И. Аванесова, С. Б. Бернштейна, З. Штибера, П. Ивича). Отмечалось, что подобный труд явится первым атласом целой семьи языков и станет важным средством для исследований в области славянской сравнительно-исторической грамматики и лексикологии, так как территориальное распределение различий между близко родственными славянскими языками и их группами представляет собой опосредствованное отражение процессов их дивергентного и конвергентного развития.

Благодаря своевременной инициативе польских диалектологов были составлены в сотрудничестве с русскими языковедами и продемонстрированы на съезде пробные карты общеславянского атласа, построенные на лексическом материале. Надо надеяться, что в вопроснике этого атласа внимание к лексике и к отдельному слову и его форме будет значительно больше, чем это мы видим в русском атласе. Основные фонетические (связанные с исторической фонетикой) и морфологические изоглоссы, важные в общеславянском масштабе, могут быть в общих чертах нанесены на карту уже сейчас по имеющимся материалам. Не следует оставлять без внимания предложения об отражении в общеславянском атласе области распространения румынского, венгерского, балтийских и финских языков, на территории которых могут продолжиться или соединиться некоторые фонетические и лексические изоглоссы. Переходные языковые зоны должны обследоваться особенно тщательно, видимо, с более частой сеткой. Нужно надеяться также, что проектируемый вопросник поставит перед диалектологами задачу фонологического анализа диалектных данных с целью выяснения различных структурных диалектных типов. Подсекция лингвистической географии славянских языков и славянской диалектологии выделила комиссию, принявшую решение о составлении вопросника общеславянского атласа, о разработке системы транскрипций, сети обследуемых пунктов, об определении количества пунктов в каждой стране и др.

9

Весьма полезным для работы съезда было создание отдельной литературно-лингвистической секции. Значительная часть проблем, выдвинутых на этой секции, отсутствовала в программе предыдущих съездов. Вопросы теории перевода, разрабатывающиеся до сих пор преимущественно на материале переводов с западноевропейских языков, приобретают свою специфику при переводах межславянских. Теоретические установки при переводах с близко родственных языков еще почти не разработаны.

В этом плане важно выяснение лингвистических и стилистических характеристик этих языков, а также определение путей обогащения языка-реципиента (т. е. того, на который делается перевод). М. Ф. Рылский в своем докладе подчеркнул, что художественный перевод требует творческого подхода, передачи «духа» произведения, во имя чего, в особенности при стихотворной форме, можно пожертвовать иногда отдельными деталями. Большой практический опыт, накопленный советскими и зарубежными славянскими переводчиками, должен быть обобщен и теоретически обоснован. Это принесет несомненную пользу большому делу межславянского литературного сближения. Важно также продолжать разработку теории перевода со славянских языков на западноевропейские и восточные языки. Все возрастающая роль славянских народов в истории мировой культуры делает эту задачу особенно актуальной.

При обсуждении вопросов художественного перевода были охарактеризованы специфические трудности, возникающие при переводах с одних славянских языков на другие (т. е. с языков родственных). В связи с этим выступают задачи тщательного изучения соответствий и соотношений грамматических, лексико-семантических и стилистических систем родственных языков, в частности славянских, для создания прочной базы теории перевода. Поднимались также вопросы изучения истории образцовых художественных переводов в кругу славянских литератур. Проблемы специфики языка художественной литературы, индивидуального стиля писателя, речевой структуры и речевых приемов стиля писателя до сих пор входили в основном или в область литературоведческих, или в область лингвистических исследований, что далеко не всегда давало нужные результаты. Это объяснялось, как подчеркнул в своем докладе В. В. Виноградов¹, тем, что наука о языке художественной литературы не может быть слита вполне ни с литературоведением, ни с языковедением в полном смысле этого слова; она имеет свой метод, свои задачи и свой объект исследования — специфические категории системы языка художественной литературы. Современное развитие науки ведет к дроблению отдельных областей знания на большое число более или менее самостоятельных дисциплин и, с другой стороны, вызывает встречный процесс синкретического и синтетического объединения работы исследователей различных специальностей. При обсуждении докладов, посвященных определению задач науки о языке художественной литературы, особенно острая дискуссия возникла по вопросу о специфических понятиях и категориях системы языка художественной литературы, не укладывающейся в рамки тех привычных методов и понятий, с которыми имеют дело и которыми оперируют как классическое языкознание, так и современное литературоведение. Дискуссия на съезде подтвердила необходимость создания самостоятельной науки о языке художественной литературы и разработки ее основных методов.

Наука о стихе на съезде была представлена только двумя докладами польских славистов — М. Р. Майсеновой и М. Длуски, которые определили место этой дисциплины по отношению к лингвистике и литературоведению. Особенно важны сравнительно-исторические исследования славянского народного стиха: здесь использован далеко не весь материал и далеко не все выводы достоверны. Остро встает проблема упорядочения и уточнения научной терминологии, относящейся к стилистике художественной речи и к стиховедению. Приходится выразить глубокое сожаление, что проблематика славянского стиховедения, сравнительно-исторической метрики в стихотворном творчестве разных славянских народов не получила на съезде всестороннего и дифференцированного обсуждения.

¹ См. В. В. Виноградов. Наука о языке художественной литературы и ее задачи, «IV Международный съезд славистов. Доклады», М., 1958.

При обсуждении общих проблем текстологии в связи с вопросом, что следует понимать под волей автора при подготовке правильной редакции текста, обнаружилось полное согласие в понимании этих проблем польскими и советскими текстологами. Во всяком случае, было единогласно признано мудрое текстологическое правило: лучше мириться с ошибками самого автора, чем подменять их своими собственными (это по отношению к покойным классикам является кощунством). Вместе с тем вызвали очень большой и острый интерес вопросы атрибуции, определения авторов анонимных и псевдонимных произведений.

В процессе обсуждения доклада «Отражение элементов стиля Маркса и Энгельса в языке Ленина» было признано желательным создать словари языка Маркса, Энгельса и Ленина.

Учитывая все возрастающее внимание к проблематике литературно-лингвистической секции и то оживление, которое наблюдалось на ее заседаниях, следует пожелать следующему, V Международному съезду славистов расширить программу литературно-лингвистической секции и увеличить как объем ее работ, так и круг относящихся к ней проблем.

10

Совершенным новшеством для славистических съездов была работа группы по машинному переводу. Было представлено три доклада, в которых излагались принципы перевода с русского языка на иностранный, в основном английский, и освещалось общее состояние этой новой дисциплины прикладной лингвистики. Дискуссия показала, что по целому ряду теоретических проблем советские языковеды опередили своих зарубежных коллег, главным образом американских, остающихся в основном на позициях практицизма. Заседания этой группы вызвали большой интерес.

11

IV Международный съезд славистов показал, что во всех странах с большей или меньшей интенсивностью происходит активизация славяноведческих исследований. В славянских странах, где начат ряд капитальных коллективных работ, в послевоенный период отчетливо наблюдается подъем славяноведения (имеется в виду не только сравнительное языкознание, но и изучение отдельных языков). С созданием Международного комитета славистов значительно укрепились международные связи ученых, работающих в области славянских языков и литератур. Это поставило перед славистами ряд новых задач в области научного сотрудничества. Задачи эти были рассмотрены на заседаниях комиссий съезда.

Было выражено пожелание о преобразовании информационно-библиографической, терминологической, транскрипционной, эдичонно-текстологической комиссий и комиссии по истории славяноведения в постоянно действующие комиссии при Международном комитете славистов с подкомиссиями при национальных комитетах. Члены комиссий до очередного заседания Международного комитета славистов в 1960 г. будут вести подготовительную работу. На комиссиях было высказано много пожеланий и предложений. Особого внимания заслуживают следующие:

По информационно-библиографической комиссии: 1) организовать текущую библиографию славяноведения в международном масштабе; 2) расширить ретроспективную общую международную библиографию славяноведческой литературы, прежде всего — литературоведческую (ретроспективная библиография по языкознанию выходит в Кракове в журн. «Rocznik slawistyczny»; 3) подготовить международный сводный каталог славянских инкунабул.

По терминологической комиссии: начать работу по унификации литературоведческой и лингвистической терминологии. В этих целях создать проект терминологического словника и библиографию терминологической литературы.

По транскрипционной комиссии: приступить к разработке единой фонетической и фонологической системы транскрипции для всех славянских диалектов с учетом таких явлений, как синтаксическая фонетика, транскрипция непереводимых слов и др.

По эдичионно-текстологической комиссии: 1) составить международный каталог древнейших славянских рукописей (до XII в. включительно); 2) разработать рекомендации по составлению научных описаний славянских рукописей (в том числе и певческих).

По комиссии истории славяноведения: установить общие принципы составления библиографических словарей отдельных стран, дать описание славяноведческих архивных материалов, издать переписку славяноведов, осуществить переиздание важнейших старых работ по славяноведению и издание еще не опубликованных трудов умерших славяноведов.

По комиссии по международным научным предприятиям: 1) уточнить характер и подготовить издание «Энциклопедии славянской филологии» (на русском языке); 2) разработать вопросник и инструкцию по сбору и обработке материалов для общеславянского лингвистического атласа и осуществить предварительный сбор материалов; 3) создать проект единого словаря церковнославянского языка разных изводов.

Международный комитет славистов единогласно решил провести очередную, V съезд славистов, по принятому на I съезде положению, через пять лет, в 1963 г., и избрал местом его созыва столицу Болгарии — Софию.

Съезд проходил в деловой, научной и вместе с тем коллегиально-дружественной атмосфере. Успеху съезда во многом содействовала большая предварительная подготовка, предварительные заседания Международного комитета славистов, определившие и уточнившие его основную тематику, активное участие всех делегатов в его работе, оживленные дискуссии по основным проблемам славянской филологии.
